Сладость муки

Время МН. — 2003. — 12 авг. — с. 7.

Театр на Малой Бронной одним из первых — открывает сезон. **Знаменитый ЛЕВ ДУРОВ выступает здесь в новом качестве — художественного руководителя.** Накануне он встретился с корреспондентом «Времени МН».

Беседовал Сергей Смирнов

— Лев Константинович, считается, что «широкую известность актер Дуров обрел в 1973 году, сыграв роль провокатора». Не боялись загубить свое актерское будущее?

— Да нет, это же профессия: чем разнообразнее роль, тем интереснее. Сегодня ты играешь Гамлета, а завтра — Яго, и это замечательно. Кстати, лучше всех в этой картине («Семнадцать мгновений весны») играет Тихонов, у него самая сложная роль, потому что, кроме как сопоставлять и раздумывать, ему там делать нечего. У всех есть какие-то характеры, за которые можно спрятаться. А ему прятаться не за что. Но я играл с удовольствием, мне была интересна сама природа такого человека. Ведь это самое низкое и мерзкое: предатель, провокатор, доносчик. Когда человек открыто идет на тебя с ножом, это одно. А когда ты не ждешь, когда тебя предают — я это чувство совсем недавно испытал в своем собственном театре, — это очень тяжелое ощущение. И мне хотелось понять: что толкает человека превратиться в эту тварь. И понял: ущербность. Там есть такая фраза: «Я хотел писать. Таланту не хватило. И стал мстить человечеству за свою собственную несостоятельность». Вы наверняка замечали и вокруг себя: посредственность — мстит. И делать это легко. Ведь даже одна едкая реплика выбивает из колеи надолго, если она незаслуженна и сказана человеком, которому доверял. И все равно не понимаю: ну как это, человек сидит, пишет донос, а за спиной у него сопит ребенок...

— Кажется, актерская профессия особых дивидендов не приносит...

— А как вы думаете, если у нас в театре средняя зарплата — четыре тысячи рублей. Это много? А ведь это же актер, он должен иметь «товарный» вид, а тем более актриса. Есть банки, которые помогают театрам. А вот наш театр ни один банк не поддерживает. Мне неловко идти просить. Я не могу переступить порог и сказать: «Ребята, дайте». А многие идут и просят. И им дают. Правильно ли они делают? Да, наверное, правильно. А я не могу. Никогда ни у кого ни разу в жизни не попросил. Каждый из нас, артистов, как-то выкручивается. А кто-то и нет.

— И что, люди уходят?

— Нет! Из этой профессии не уходят. Только выгоняют. Казалось бы, все прекрасно знают, что профессия выгод не сулит, но почему же такой колоссальный конкурс в театральные вузы?

— А вы сами как думаете?

— Я думаю, человеку свойственна как жажда власти, так и жажда публичности. Почему и рвутся бездари в театральное. Им кажется: и я стану играть, буду на сцене, какая праздная профессия. Но это все не так! Это тяжкий труд. И моральный, и физический. По английской шкале самых тяжелых профессий мы стоим на пятом месте. Вместе с шахтерами, летчиками-испытателями и акушерами-гинекологами. Рождение детей, как и актерство, — это огромные затраты нервной энергии...

— Кажется, в этом списке еще и журналисты — отстреливают нашего брата. Признайтесь, а вам не хотелось?

— Честно? Да. У вас, как и везде, есть журналисты блестящие, а есть и такие, в частности театральные критики, кто работает для того только, чтобы или показать, какой он эрудированный, или кого-то безнаказанно оскорбить, растоптать.

— Правда, что своим высшим титулом вы считаете фразу «трагический клоун»?

— Да, меня так назвал один британский журналист после гастролей в Англии.

— Но как можно сделать смешной трагедию?

— Да запросто. Есть гениальный пример. Это Чарли Чаплин. Маленький, нескладный человечек в огромных ботинках и смешном котелке. А в то же время трагическая фигурка в этом жутком, огромном мире.

— Говорят, что вы «увеличили популярность марки «Иж» в два раза». Съемки в рекламе не считаете делом зазорным? Все-таки массовое зомбирование...

— Я думаю, это нормально. Деньги-то небольшие, ерунда. А вы, наверное, думаете, что миллионы? Нет, это чушь. Главное — не лгать. Я в рекламе «Ижа» не сказал ни одного слова лжи. Я же не сказал, что эта машина лучше «Мерседеса». Сам взял отвертку, залез под днище, смотрю: да, оцинкован. Только тогда и сказал... Очень опасно рекламировать лекарство. Можно обмануть людей, а люди тебе верят.

— Но ваши коллеги так и делают.

— Да. И зря. Я однажды лекарство рекламировал (больше никогда в жизни!), но сказал: ребята, дайте мне самому пройти этот курс, и если поможет — скажу. Помогло. Сказал.

— Что сейчас интересует людей, можно судить по заголовкам: «Как разбился Борис Моисеев», «Наташу Королеву обокрали», «На Льва Дурова нападали ведьмы»... Это что, журналисты оглупляют читателя? Или все-таки читатель того требует? Ну, и, кстати, что это за ведьмы такие?

— Я думаю, 50 на 50. Спрос рождает предложение. А насчет ведьм... Мы приехали на съемки в Мексику и услышали, что где-то рядом закончился съезд «темных ведьм». Оказывается, есть темные и светлые. Мы шутили, смеялись. А режиссер заметил: «Зря смеетесь. Над этим шутить нельзя». Так вот, вскоре после этого с одним из актеров произошла беда. А потом и я чудом избежал травмы. Лошадь подо мной испугалась, сделала стойку, ударилась в пальму и... завалилась на меня. Вот лежим мы, а я все пытаюсь ее сбросить. Боялся, переломает ноги. Мне потом показали это место, между пальмой и бетонной стеной: для меня там места не было. Но я там лежал. Загадка... и таких загадок я повидал немало. В Оренбурге на женский крик: «Икона, икона обновляется!» — сбегается народ. И действительно, на глазах у всех как будто тень с нее сходила. И она вдруг стала ясной-ясной.

— Но вернемся в наше время. Как вам москвичи? По-моему, они говорят на разных языках: одни изъясняются все еще на советском наречии, живут на пенсию, а другие перемещаются по столице в «Поршах». Не слишком ли мы разные?

— Разные, но... не слишком. Я же нахожу общий язык, спускаясь во двор, где сидят бабушки. Мы всегда мило беседуем, у нас замечательные отношения. А молодежь есть молодежь, что с ней поделаешь, такое было всегда. Главное, чтобы мы сами не разделялись, не говорили: «Эй, вы!» По-моему, хуже другое: когда человеку стало плохо, он упал на улице, буквально напротив престижной больницы рядом с моим домом, а из больницы не соизволил выйти ни один врач.

— Ну, если бы — не дай бог! — упали вы... Вычитал о вас фразу: «Этого человека любят все. Даже инспекторы ГИБДД».

— Понимаете, я всегда относился к милиции с уважением. Объясню, почему. Когда вас начинают грабить, что вы в первую очередь орете? Милиция! А если вы их называете «менты», ну тогда что вы к ним обращаетесь? Эти люди делают очень трудную работу — разгребают человеческую помойку. Да, бывает там всякое, как и в любых профессиях, высшие чины сейчас замараны. И тем не менее. Не будь ГАИ в таком огромном городе, какое было бы столпотворение!.. Конечно, меня узнавали, чем, может, и баловали. В те времена, когда еще увозили машины на парковки, я всегда оставлял записочку: «Уважаемая ГАИ, ушел на час, опаздываю. Не увозите машину. С глубоким уважением, Дуров». Прихожу: ни одной машины, моя — стоит. И записка: «Мы тебя тоже уважаем, Дуров. Твоя ГАИ». Вот такой роман по переписке.

— В прошлом сезоне вы праздновали юбилей. Как переживаете наступление зрелости?

— У итальянцев есть очень хорошая поговорка: «Стариков надо убивать в детстве». Человек должен оставаться до старости ребенком. Не глупостью и наивностью, а взглядом на жизнь: уметь радоваться, что светит солнце, что трава зеленая, что кричат дети — это здорово, когда они кричат, значит, они здоровы. Как-то меня спросили: какое самое счастливое для вас время? Ответил: пробуждение. Просыпаюсь и говорю себе: ну вот, господь мне подарил еще один день жизни. Это замечательно. Значит, надо улыбаться окружающим, надо успеть за этот день что-то сделать, надо прийти домой изможденным, усталым, рухнуть и... чувствовать себя прекрасно. Рецепт один: не быть равнодушным. И радоваться тому, что мы живы. Вот только жизнь, увы, так коротка. Я как-то перефразировал классика: «Жизнь дается нам один раз, и потому прожить ее надо мучительно больно».

Лев Дуров может найти общий язык с кем угодно

Москва, Театр на Малой Бронной